

УДК 930.1

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ: ОПЫТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ

Ткаченко Н.А.

В статье определяется понятие «альтернативной истории» и прослеживается история становления этого феномена. Рассматриваются как научный, так и художественный варианты альтернативной истории. Автор рассматривает связь альтернативной истории и постмодернистского видения мира. Через понятие «ризома» раскрывается механизм альтернативно-исторического конструирования.

Ключевые слова: *альтернативная история, постмодерн, ризома.*

В разное время по-разному оцениваются задачи, которые стоят перед историческим познанием. Однако линейность, необратимость и однонаправленность истории всегда оказывались общим моментом в классическом историософском мышлении. Для отечественной философии истории проблема линейности также связана с наследием марксистского понимания сущности исторического процесса. Долгое время утверждение о том, что история не имеет сослагательного наклонения, служило максимой для советских историков. Однако с 70-80-х годов XX века даже среди академических историков появляются утверждения о возможности рассмотрения альтернативных (несостоявшихся, вероятных) путей развития истории. Феномен «альтернативной истории» находит реализацию, как в академическом мышлении, так и на уровне обыденного сознания. В академической среде это направление долгое время было маргинальным. Художественные альтернативно-исторические построения видели себя абсолютно независимыми от научной мысли. Одновременно формируются многочисленные криптоисторические концепции, находящиеся в оппозиции к официальной науке. Подобная разобщенность не позволяла до сих пор рассматривать «альтернативную историю» как целостный феномен. Нам представляется продуктивным объединить в одном исследовании анализ разных вариантов «альтернативной истории», поскольку популярность альтернативно-исторических построений может указывать на специфические особенности развития современного сознания в целом.

Целью нашего исследования является выявление общего механизма реализации альтернативно-исторической интенции в разных областях современной художественной и теоретической мысли. Задачами исследования является проследить становление феномена «альтернативной истории» и определить понятия альтернативной истории как художественного жанра и научной методологии.

Объектом исследования выступают варианты альтернативно-исторических конструкций, созданных в современной исторической науке (Н. Фергюсон, Р. Коули, А. Деманда, Г. Телленбах, Р. Коззелек, Э. Дуршмид, К. Масси, М. Гефтер, А. Гуревич, Б. Могильницкий, Л. Баткин, Ю. Лотман, П. Уваров, М. Парамонова, С. Экштут, И. Ковальченко, И. Бестужев-Лада, А. Бочаров и др.), а также в художественной культуре (Ф. Дик, Р. Харрис, П. Андерсон, М. Флинн, В. Звягинцев, В. Аксенов, Г. Шах, А. Аникин, С. Анисимов, С. Переслегин, К. Булычев и др.).

Предметом исследования является альтернативно-историческая интенция современного мышления.

Исходной методологической предпосылкой нашего исследования является предположение о «ризомном» состоянии современного понимания истории. (Ж. Делез, Ф. Гваттари). Также для нас стали значимыми методологические разработки историков К. Хвостовой, М. Чешкова, С. Экштута, Д. Харитоновича, П. Уварова, а также Л. Баткина.

На данный момент феномен альтернативной истории исследован фрагментарно. Существуют разработки проблемы альтернативности в исторической науке, а также в художественной культуре. Также создано несколько интернет-сайтов, посвященных альтернативам в истории. В нашей работе мы обратимся сначала к академической традиции, а затем рассмотрим реализацию альтернативной интенции в художественной литературе.

В академической среде большинство историков твердо следуют принципу, некогда выдвинутому Леопольдом фон Ранке, изучать историю «такой, какая она есть». Следуя этому тезису, историки декларируют основополагающими целями историописания установление причинно-следственных связей между событиями, понимание мотивов действий исторических личностей, соотнесение закономерного и случайного в историческом процессе. Поэтому вопрос об альтернативных сценариях истории даже не рассматривался в научной среде. Подобное считалось признаком дурного тона и занятием для писателей-фантастов.

Традиционная философия истории также не допускала возможности разночтений истории. Марксистское видение истории как процесса необратимого и последовательного надолго укоренилось в умах отечественных историков.

Казалось бы, утверждение о недопустимости сослагательного наклонения в историческом исследовании вполне законно: история является необратимым процессом. Историк может говорить об упущенных событиях, может апеллировать к «фактору личности» или «фактору случая», но при этом четко следуя историческому факту. Он не в состоянии отменить или, наоборот, привнести событие в прошлое. Подобное возможно лишь в фантастических романах. Тем не менее, «соблазн поиграть в игру «что было бы, если...» неоднократно возникает». [5, С.37]. Что было бы, если бы Гитлер все-таки взял Москву в 1941 году? Что было бы, если бы в 1812 году Наполеон дошел до Индии? Что было бы, если бы Филипп Красивый не ликвидировал орден Тамплиеров? И наоборот – достигла бы европейская цивилизация нынешнего уровня развития, если бы в свое время Гуго де Пейн не основал этот орден?

Как отмечает Б. Невский, первым, кто поддался «соблазну» альтернативной истории, считается древнеримский историк Тит Ливий [11, С. 13] Несколько

страниц в его эпическом трактате «История Рима от основания Города» посвящены гипотетическому походу Александра Македонского на Рим в 323 г. до н.э., который, по Ливию, закончился бы полным разгромом великого завоевателя. Но это был всего лишь эпизод, небольшие размышления внутри вполне традиционного исторического труда.

Однако первым автором полноценного научного альтернативно-исторического труда стал британский историк Джордж Тревельян с работой «Если бы Наполеон выиграл битву под Ватерлоо» (1907), но на тот момент эта статья не привлекла особого внимания. Ситуация несколько изменилась с появлением двух статей известного историка Арнольда Тойнби. Своими работами «Если бы Александр не умер тогда...» и «Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели...» историк фактически и положил начало такому направлению в истории, как ретропрогнозирование. [11, С.13].

В советской историографии первым, кто заговорил об альтернативных сценариях истории, считается историк М.Я. Гефтер. В 1964 году им был создан и возглавлен сектор методологии истории при Институте истории АН СССР. В значительной степени благодаря именно его инициативе в задачи сектора методологии истории вошла проработка идеи многовариантности исторического развития. М. Я. Гефтер полагал, что без категории "альтернатива развития" современный историк не может придать единство и последовательность историческому мировоззрению.

Однако подлинный взрыв интереса к альтернативной истории наблюдается в 70-80-х годах. «Что-то произошло в обществе – и возник спрос на сослагательность», - отмечает Уваров П.Ю. [14, С.6]. Следуя традиции, введенной М.Я. Гефтером, историк А. Я. Гуревич в статье «Общий закон и конкретная закономерность истории» рассматривает методологические аспекты проблемы альтернативности исторического развития. Методологическую важность изучения альтернативности исторического развития А. Я. Гуревич видит в том, что при понимании закономерности исторического процесса как неотвратимости и однозначности конкретное объяснение истории сделалось бы, по существу, излишним: достаточно было бы постулировать общие законы и в каждом данном событии находить их проявление [4]. Огромный вклад в развитие альтернативного направления в советской историософии сделал Б.Г. Могильницкий. В его работах принципиально новым стало рассмотрение проблемы альтернативности как самостоятельной темы, а не как части проблемы соотношения социологических и конкретно-исторических закономерностей. Могильницкий акцентирует внимание на том, что исторический процесс изначально является многовекторным и альтернативным. Он поясняет, что исторический процесс является альтернативным благодаря постоянной борьбе «разнородных тенденций-альтернатив, каждая из которых имеет свое основание в реальной действительности и, следовательно, определенные возможности реализации» [10, С. 13].

К важным работам, где исследуется тема альтернативности исторического развития, можно отнести труды культуролога и основателя всемирно известной школы семиотики Ю.М. Лотмана. В своей книге «Культура и взрыв» он выдвигает идею принципиальной непредсказуемости развития культуры, объясняя это наличием в ней взрывных моментов, когда события погружаются в сферу

возможностей. Это те самые развилки в истории, когда события могут развиваться по тому или иному пути. Ю.М. Лотман пишет, что «неизвестность будущего позволяет приписывать значительность всему» [9, С. 39]. Настоящее содержит в себе все возможности будущих путей развития. А выбор будущего пути определяется через случайность. «Гибель солдата от случайно пересекшегося с ним осколка снаряда обрывает целую цепь потенциально возможных будущих событий и одновременно создает новую цепочку» [9, С. 41]. Согласно мысли Ю.М. Лотмана, для лучшего понимания роли случайности в истории крайне важными являются работы Ильи Пригожина, который изучал динамические процессы на химическом, физическом и биологическом уровнях. Но, несмотря на это, его наработки имеют огромное значение и для гуманитарной мысли – они позволяют ввести категорию «случайности» в круг научных интересов и раскрывают её функциональное место в общей динамике мира. В меру отдаления от периода равновесия процесс приближается к тем самым критическим точкам (точкам бифуркации), в которых ожидаемый ход процессов нарушается. Ю.М. Лотман считает, что идеи И. Пригожина весьма плодотворны и применительно к историческому движению. В точках бифуркации в социальных системах вступает в действие не только механизм случайности, но и механизм сознательного выбора. В такие моменты поведение отдельных личностей, как и масс, становится непредсказуемым. Выбор пути, который реализуется, зависит от целого ряда случайных событий, но в большей мере, от самих участников этих событий, потому каждое слово, речь и пропаганда играют важную роль [8].

Можно утверждать, что Ю. М. Лотман стал одним из первых, кто указал на взаимосвязь синергетических концепций и исторического познания, в частности, альтернативно-исторических конструирований. С 90-х годов попытки теоретического осмысления альтернативно-исторических построений с позиций синергетики пользовались огромным успехом (работы Я.Г. Шемякина, М.С. Кагана, М.С. Чешкова, Л.И. Бородкина и др.). Важность такого подхода, на наш взгляд, заключалась лишь в том, что проблема альтернативности в историческом познании, вышла за рамки гуманитарной науки, что подчеркивает значимость проблемы для науки в целом.

В 1994 году в свет вышла монография С.А. Экштута «В поиске исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы», которая была написана на основе диссертационного исследования. Это была первая в отечественной историографии докторская диссертация, посвящённая альтернативности в истории. Как и Ю.М. Лотман, главной причиной в возникновении исторических альтернатив С.А. Экштут считает историческую случайность. В своей работе автор рассматривает те случайные происшествия в истории России, которые значительно повлияли на общественное сознание изучаемого времени и на поступки главных участников событий, связанных с движением декабристов. Помимо исторической случайности, для него важна нравственная компонента, из чего вытекает проблема выбора личности. Автор показывает, как исторический выбор преломлялся через индивидуальные судьбы, и как индивидуальная судьба могла бы стать воплощением возможного исторического выбора (на примере судеб генералов Киселева, Ермолова, Воронцова, Клейнмихеля и др.)

Огромный вклад в развитие исторической альтернативистики внесли зарубежные авторы. В первую очередь хочется выделить научный сборник «Виртуальная история: альтернативы и гипотезы» («Virtual History: Alternatives and Counterfactuals»), вышедший под редакцией Ниала Фергюсона в 1997 году. По содержанию сборника сразу видно проблемное поле, в котором работают зарубежные представители альтернативной истории. Например, «Англия без Кромвеля: что бы случилось, если бы Карлу I удалось избежать гражданской войны?». Или «Какой могла бы стать английская Америка, если бы не было Американской революции?» [15]. Помимо сборника Н. Фергюсона необходимо отметить сборник научно-исторических альтернатив «А что, если бы?» под редакцией Роберта Коули, написанных видными американскими учеными и повествующих о ключевых моментах истории — от античности до современности. Также весьма интересен сборник «Наполеоновские войны: Что, если?», сборники военно-исторических эссе Э. Дуршмида «Победы, которых могло не быть» и К. Масси «Упущенные возможности Гитлера». Здесь указаны далеко не все сборники, в которых предпринята попытка литературно-документального моделирования несостоявшейся (альтернативной) истории, а лишь те, с которыми сталкивался автор при написании статьи.

Феномен альтернативной истории обнаруживается не только в сфере научных исследований. Альтернативная история прочно обосновалась в фантастической литературе, образовав отдельный жанр. Рождение альтернативной истории как художественного жанра произошло после окончания Второй Мировой войны. Именно в этот период книги писателей-фантастов, где те описывали возможные (альтернативные) пути развития тех или иных исторических событий, стали пользоваться огромной популярностью. Особенно привлекательным был военно-исторический жанр, например, «Если бы Юг выиграл Гражданскую войну» М. Кантора и «Если бы Гитлер выиграл Вторую мировую» У. Ширера, а также «Фатерланд» Р.Харриса и «Человек в высоком замке» Ф.Дика — миры с победившей нацистской Германией; «Остров Крым» В. Аксенова — мир, где уцелел анклав свободной России. Отдельно хочется выделить книгу В. Поликарпова «Если бы... Исторические версии», где предложено более двадцати альтернативно-исторических сценариев, произведение известного фантаста А. Бушкова «Россия, которой не было», а также весьма популярную «альтернативу» В.Суворова (Резуна) «Ледокол», «День М», «Гроза». Охватить весь список работ в жанре альтернативной истории не представляется возможным, поскольку он очень часто обновляется, что только демонстрирует популярность данного жанра. Следует различать два вида альтернативной истории как жанра: чистая альтернатива и псевдоальтернатива. Когда возможное развитие событий и их последствия описываются методами реализма, мы имеем дело с чистой альтернативной историей, которая обязана следовать следующим критериям: реальность (рубеж между реально возможными и явно фантастическими допущениями); логичность (непротиворечивость причинно-следственных связей); сопоставимость (сравнение только сравнимого); оптимальность (выведение уроков на будущее) [1]. Псевдоальтернатива встречается намного чаще и иногда практически не отличается от чистой, когда дело касается описания возможного развития событий и получившегося в результате мира. Но главным её отличием является то, что причиной расхождения с

реальной историей служит какой-то фантастический прием - пришельцы из будущего (по отношению ко времени действия в произведении), пришельцы из космоса, какие-нибудь книги древних, внезапно раскрывшиеся тайные общества и т.д.

Популяризация альтернативной истории привела к возникновению таких псевдонаучных направлений, как фольк-истори (Г. Малинецкий, Б. Акунин, А. Бушков, Я. Кеслер, П. Проскурин, В. Щербаков и др.) и криптоистория (А. Фоменко, Г. Носовский, Д. Симмонс, И. Бэнкс, К. Еськов, Д. Браун и др.). Представители этих направлений - псевдоисторики, которые занимаются реконструкцией исторической действительности без каких-либо научных обоснований. Чаще всего, в основе сюжетов скрывается теория заговора, нетрадиционные трактовки исторических событий, мифов и легенд и даже других литературных произведений. Это попытка заменить навязываемую нам сверху официальную историю, показать свою независимость от исторических процессов, выйти за ее рамки. Следует отметить, что пока не существует четко устоявшихся определений фольк-истори и криптоистории. Поэтому некоторые существующие образчики классификации спорны. Нам представляется, например, что А. Бочаров необоснованно относит «Новую хронологию» Фоменко-Носовского к фольк-истори. На наш взгляд, этот вариант альтернативной истории относится к криптоистории.

На наш взгляд, корни массового увлечения альтернативной историей, как в академической среде, так (особенно) и в художественной среде, киноиндустрии и компьютерных играх, могут быть объяснены в контексте постмодернистского поворота в западном мышлении. Можно сказать, альтернативная история – это родное «детище» постмодерна. Для постмодернистской философии истории характерен пересмотр классических понятий: на смену истории приходит постистория, на смену детерминизму - недетерминизм, на смену системного строения и восприятия мира - постмодернистская чувствительность [18]. В этих рамках возникает, согласно французскому философу Жан-Франсуа Лиотару, тотальное недоверие к «метанарративам», обосновывающим устойчивую целостность реального мира. Каждый процесс рассматривается как множество не сводимых друг к другу линий и изменений. В истории реальны только фрагменты, события, больше не существует единого исторического процесса.

Если раньше историческое знание строилось по принципу «древа», где четко различались направление эволюции, иерархия, структура, целостность, то постмодернистская парадигма приобрела характер «ризома». Согласно представителям этой концепции Делезу и Гваттари, ризома не имеет единого корня, это множество беспорядочно переплетенных побегов, которые развиваются во всех направлениях. Авторы концепции выделяют ряд свойств ризома. Во-первых, благодаря тому, что ризома не имеет ни начала, ни конца, любое её место может быть присоединено к другому её месту. Подобного мы никогда не увидим у дерева или корня, которые фиксируют место и устанавливают порядок. Во-вторых, ризома – это множественность линий, здесь нет точек и позиций, которые мы обнаруживаем в структуре дерева, это хаотичное распределение «черенков». В-третьих, ризоме не страшен разрыв: она может быть оборвана в любом месте, и тут же возобновиться в новую линию. В-четвертых, ризома «соответствует карте,

которая должна быть продуцирована, сконструирована и всегда демонтируема», она никогда не заканчивается, а всегда в середине, в «между-бытие» [7].

Таким образом, говоря об альтернативной истории, мы говорим о ризоме. Мы имеем дело с «картой альтернатив», с множественностью виртуальных исторических сценариев. Именно она и является тем основополагающим механизмом, который оправдывает альтернативную историю, позволяет ей развиваться любым путем, прерываться, присоединяться к любой другой линии. Философия постмодерна поднимает феномен «альтернативной истории» как изначально художественного жанра до серьезных научных исследований и признаний в академической среде. Благодаря своей ризомной природе альтернативная история реализует себя в современной культуре через литературу, кинофильмы и компьютерные игры.

Список литературы

1. Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в философии истории / И.В. Бестужев-Лада // Вопросы философии. – 1997. – № 8. – С. 112-122.
2. Бочаров А. В. Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты : дис. канд. ист. наук [Электронный ресурс] / А.В. Бочаров. – Т., 2002. – 228 с. – Режим доступа: <http://klio.tsu.ru/contents.htm>
3. Гуревич А. Я. Об исторической закономерности / А.Я. Гуревич // Философские проблемы исторической науки. – М., 1969. – С.72-77.
4. Гуревич А. Я. Общий закон и конкретная закономерность истории / А.Я. Гуревич // Вопросы истории. – 1965. – №8. – С.23-29.
5. Данилевский И. Н. Соблазн альтернативы / И.Н. Данилевский // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М. : Наука, 2000. – С.37-39.
6. Еськов К. Ю. Кузница и гвоздь («альтернативная история» против «криптоистории») / К.Ю. Еськов // Консерватор. – 2003. – № 16. – С. 12-14.
7. Делез Ж. Ризома [Электронный ресурс] / Ж.Делез, Ф.Гваттари – Режим доступа : <http://tfk1.narod.ru/rizoma.htm>
8. Лотман Ю.М. Изъявление Господне или азартная игра? Закономерное и случайное в историческом процессе / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. - М. : Гнозис, 1994. - С. 353-363.
9. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман // Семиосфера. — СПб : Искусство-СПБ, 2000. — 704 с.
10. Могильницкий Б. Г. Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции / Б.Г. Могильницкий // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – 1974. – № 9. – С. 4-14.
11. Невский Б. И. А что, если бы? Альтернативная история как наука / Б.И. Невский // Мир фантастики. – 2004. – № 10. – С. 12-16.
12. Невский Б. И. Носик Клеопатры. Альтернативно-историческая фантастика / Б.И. Невский // Мир фантастики. – 2004. – № 10. – С. 7-12.
13. Савельева И. М. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен / И. М. Савельева, А.В. Полетаев // Диалог со временем – М. : ЛКИ, 2007 – Вып. 18. – 399 с.
14. Уваров П. Ю. Вступительное слово / П.Ю. Уваров // Одиссей. Человек в истории. 2000.– М. : Наука, 2000. – С. 5-9.
15. Фергюсон Н. Виртуальная история: альтернативы и гипотезы / Ниал Фергюсон – Лондон : Пикадор, 1997. – 548 с.

16. Virtual History: Alternatives and Counterfactuals / Ferguson Niall, ed – London : Picador, 1997. – 548 р.
17. Харитонович Д. Э. Методология и нравственный смысл альтернативной истории / Д.Э. Харитонович // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М. : Наука, 2000. – С.50-53.
18. Чешков М. Историческая сослагательность, постнеклассическая наука и развивающийся мир / М. Чешков // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М. : Наука, 2000. – С. 14-20.
19. Эпштейн М.Н. Информационный взрыв и травма постмодерна [Электронный ресурс] / М.Н. Эпштейн. – Режим доступа : <http://philosophy.ru/library/epstein/epst.html>.

Ткаченко Н.О. Історія в умовному способі: досвід альтернативної історії // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2014. – Т. 27 (66). – № 1-2. – С. 167–174.

У статті визначається поняття «альтернативної історії» і простежується історія становлення цього феномену. Розглядаються як науковий, так і художній варіанти альтернативної історії. Автор розглядає зв'язок альтернативної історії і постмодерністського бачення світу. Через поняття «ризому» розкривається механізм альтернативно-історичного конструювання.

Ключові слова: альтернативна історія, постмодерн, ризом.

Tkachenko N.A. The history in the subjunctive: experience of the alternative history // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014.– Vol. 27 (66). – № 1-2. – P. 167–174.

This article examines the history and development of alternative history of both science and element of art. The author shows that an academic history was not taken seriously the "alternative history» for a long time. But an art has been accessed to this subject very often. The author concludes that the final formation of the phenomenon of alternate history is observed only in the postmodern era. Through the concept of "rhizome" the author reveals the mechanism of the implementation of the alternate history in contemporary culture. In the article the author also indicates the occurrence of two sub-genres of alternative history - there are folk-history and crypto-history.

Keywords: alternative history, postmodern, rhizome.